

ГЛАВА 1

Если хочешь удержаться на работе, необходимо соблюдать несколько простых правил: не опаздывать; не лениться; и не бросаться на клиентов.

Когда женщина за шестым столиком щелкнула жирными пальцами, хотя я и так уже спешила к ней с подносом, заставленным напитками, я заставила себя вежливо улыбнуться. Женщина ткнула в тарелку своими когтищами цвета фуксии.

— В моей пасте совсем нет мяса, — заявила она тоном оскорбленной гувернантки викторианских времен.

Я посмотрела на ее тарелку. Курицы в пасте и правда было на удивление мало, хотя, когда ее поставили на столик, там была целая жареная куриная грудка. Я это точно знала — видела, как ее

нес помощник официанта. По краю тарелки был размазан сливочный соус.

Я заглянула в тарелку второй дамы за тем же столиком. Так-так. Тоже «Альфредо». И — нате вам! — прямо сверху навалена куча жареной курятины. Женщина работала вилкой так быстро, словно рассчитывала уничтожить ее раньше, чем убогий мозг официантки успеет сложить два и два.

— Это никуда не годится. — Первая дама взмахнула рукой, стараясь отвлечь мое внимание. — Надеюсь, вы не думаете, что я стану платить за блюдо, в котором отсутствует основной ингредиент!

Удерживая тяжелый поднос, я молча посмотрела ей прямо в лицо, а затем перевела пристальный взгляд на ее сообщницу. Они что, правда думают, что я раньше не сталкивалась с подобным мошенничеством? Когда они обе беспокойно заерзали, я снова повернулась к той, которую обделили курятиной, и лучезарно улыбнулась.

— Итак, мэм, позвольте уточнить — в чем проблема?

— Мне... мне не положили курицы!

Я весело прищелкнула языком, словно оценила шутку, и подмигнула второй женщине.

— Значит, у вашей подруги удивительно шустрая вилка! Вы даже не успели заметить, как она сгребла всю курятину с вашей тарелки.

С принужденным смешком я отступила на шаг назад. Три кока-колы, два пива и чай со

льдом заплясали на подносе. Шестеро клиентов, томившихся от жажды за столиком неподалеку, смотрели на меня умоляющими глазами. Я буквально видела, как с каждой секундой тают мои чаевые.

Дама, обделенная курятиной, уставилась на меня, и в ее близко посаженных глазах замелькали крутящиеся в мозгу ржавые шестеренки. Я разоблачила ее неуклюжую ложь и дала возможность без потерь выйти из ситуации. Всего-то и нужно было — заткнуться и попытаться забрать с подружкиной тарелки хотя бы часть мяса, пока там еще хоть что-то оставалось. Бесплатного ужина ей сегодня не видать.

Но вместо этого она раздулась, как лягушка-бык, и наставила мне в грудь палец с розовым когтем.

— Что вы хотите сказать?! — Ее голос взлетел вверх, заглушая оживленный гул в кафе, полном народа. — Я утверждаю, что мне принесли пасту без курицы. А вы называете меня обманщицей, да?

Ну, в общем, да.

— Наверное, я вас неправильно поняла, — успокаивающе проговорила я, понизив голос, словно это могло заставить ее говорить тише. — Я думала, вы шутите, ведь курица явно переключивалась на тарелку вашей подруги.

— Как вы смеете!

Эх, пожалуй, не стоило этого говорить.

— Я с удовольствием попрошу приготовить для вас еще одну куриную грудку бесплатно.

— Я не стану платить за это блюдо. Вы нам нахамили, и мы ни за что платить не будем!

— Ясно. Что ж, тогда мне придется позвать менеджера.

Свободной рукой я выхватила тарелку у второй женщины, которая как раз нацелила вилку на очередной кусочек.

— Что вы делаете?! — возмутилась она.

— Она сказала, что вы отказываетесь платить, вот я и...

— Я еще не доела!

— Так вы собираетесь платить или нет?

Застыв с занесенной в воздухе вилкой, дама оглянулась на свою разъяренную спутницу. Снова закрутились шестеренки. Так напряженно работать головой этим двум не приходилось, должно быть, с самого детства.

— Поставь тарелку на место! — рявкнула первая. — И немедленно приведи менеджера.

Я вернула ей пасту, и мой поднос с напитками снова закачался на руке. На воображаемом счетчике чаевых над измученным жаждой столиком светились уже отрицательные числа. Теперь я еще буду должна им за напитки.

— Я пришлю менеджера, — пробормотала я и повернулась, чтобы уйти. — Пусть полюбуется на это свинство.

— Ты назвала меня свиньей? — оскорбленный вопль заглушил все разговоры в кафе.

О, черт... Поморщившись, я снова повернулась к женщине.

— Вы, должно быть, ослышались...

— Нет, не ослышалась! — взвизгнула она. — Ты назвала меня свиньей! Где менеджер?!

— Э-э-э... — Я окинула взглядом другие столики — все прервали ужин ради этого спектакля. Ни одного менеджера в зале не было, но одна из официанток, перехватив мой испуганный взгляд, стрелой метнулась на кухню. — Позвольте, я просто...

— Мы уходим. Я не намерена платить за смешки и оскорбления. — Брызгая слюной от праведного гнева, женщина вскочила на ноги. Ее спутница, прежде чем вылезти из-за стола, успела запихать в рот последний кусок курицы.

— Если вы будете так любезны и подождете минутку, — снова начала я, — менеджер...

— Прочь с дороги!

И ее жирная ладонь с силой толкнула мой поднос.

Он покачнулся, и все шесть напитков выплеснулись мне на грудь. На блузке расплылось мокрое пятно, стаканы и бокалы полетели на пол, осыпая мои ноги осколками. Кубики льда раскатились под столиками.

Любой, кто знаком со мной больше часа, догадывается о том, насколько я вспыльчива. «Догадывается» — еще слабо сказано. Я могла бы носить на лбу неоновую вывеску с надписью: «Осторожно, рыжая петарда». Или, специально для моих бывших: «Не подходи, убьет».

Я стараюсь, правда. Держу рот на замке, улыбаюсь самой вежливой улыбкой и молча смотрю, как менеджеры раздают бесплатную еду всяким

жуликам, потому что «клиент всегда прав» — или как там принято говорить?

Но иногда я сначала делаю, а потом думаю.

Вот почему, когда ледяные напитки выплеснулись мне на блузку, я с размаху ударила мокрым подносом прямо по ухмыляющейся физиономии.

От удара пластик громко треснул, женщина покачнулась и плюхнулась на пухлую, как подушка, задницу. Ее челюсть отвисла, глаза выпучились, на щеке блестели брызги кока-колы с пивом, и еще немного чая со льдом.

В ресторане и так уже было тихо, а тут вообще наступила мертвая тишина, словно мы провалились в другое измерение.

— Она первая меня толкнула! — сказала я, и мой голос на фоне всеобщего молчания прозвучал так одиноко. — Вы же видели, правда?

Немолодая пара за томящимся от жажды столиком нерешительно кивнула, а один парень усмехнулся и поднял вверх большой палец. Чувствуя на себе взгляды десятков глаз, в насквозь мокрых блузке и фартуке, я протянула руку через голову скандалистки, забрала обе тарелки «Альфредо» и составила их одна на другую на пустой поднос.

Женщина выглядела ошарашенной, но я, конечно, не надеялась, что одного удара хватит, чтобы вправить ей мозги. Как только она опомнится, тут же завоет как сирена. Или заревет. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Я не называла вас свиньей, — сказала я. — Но обманщицей вас назвать следовало. Вы солгали насчет пасты и толкнули меня. Я вынуждена попросить вас уйти.

Лицо женщины побагровело, глаза выпучились еще больше.

— Зато, — жизнерадостно добавила я, — за еду вам платить не придется, чего вы и добивались. Хорошего дня и, пожалуйста, не приходите к нам больше.

С двумя тарелками «Альфредо» на подносе я прошла мимо нее танцующей походкой, словно не чувствуя, как в моем декольте тает кубик льда. Я отсчитывала про себя секунды, а за столиками уже начали перешептываться.

Я досчитала до трех, прежде чем поднялся шум. Рев. Так я и знала.

Менеджер вылетела из кухни, и ее глаза сверкали таким яростным огнем, что на нем можно было жарить куриные крылышки. Я поежилась и торопливо проскользнула на кухню. При моем появлении оба повара разразились одобрительными возгласами.

— Прямо в морду! — рассмеялся Нил и махнул лопаткой в сторону маленького окошечка в двери, к которому он наверняка прилип, как только поднялся крик. — Ну ты даешь, Тори! Ты что, с ума сошла?

— Почему меня то и дело об этом спрашивают? — пробормотала я, ставя поднос на стойку и осматривая свои голые ноги и ступни в сандалиях — нет ли там осколков стекла.

— Я глазам не поверил, когда ты...

— Тори!

Я вздрогнула. Хозяйка кафе стояла на противоположном конце кухни, скрестив руки на груди. Лицо у нее было суровое, как самый крепкий эспрессо. Внутри у меня все похолодело от страха, но я выпрямилась и уверенной походкой зашагала к ней. В обеденном зале чудо-женщина, которой недодали курицы, перешла с рева на визг.

— Миссис Бланшар, я могу объяснить...

— Ты ударила клиентку?

— Она первая меня толкнула.

Бланшар приподняла очки в тонкой металлической оправе и двумя пальцами сжала переносицу.

— Тори, я тебе уже не раз говорила — если клиент начинает спорить, зови менеджера.

— Я как раз и хотела, а она...

— Я тебя предупреждала на прошлой неделе, когда ты назвала нашу постоянную клиентку недощипанной индюшкой прямо в лицо...

— Она сама все время обзывала меня анорексичкой! Каждый раз, когда я проходила мимо...

— Я тебя предупреждала, — повторила Бланшар, прерывая мои возражения, — что даю тебе последний шанс. Работаешь ты хорошо, и я прикладывала немало усилий, чтобы как-то сгладить твои... особенности... Но я не могу держать в кафе официантку, которая бросается на клиентов.

— На клиентку, — удрученно пробормотала я. — Всего на одну. Больше этого не повторится, обещаю.

— Прости, Тори.

— Миссис Бланшар, мне очень нужна работа. Пожалуйста, дайте мне еще один шанс.

Она покачала головой.

— Оставь фартук здесь. Чек за последнюю неделю получишь в день выдачи зарплаты.

— Миссис Бланшар...

— Я должна уладить конфликт в обеденном зале. — Она прошла к двери мимо меня. — Выйди, пожалуйста, через черный ход.

Она ушла. Мои плечи поникли. Шум стих — вероятно, менеджер принесла бедной страдалице все мыслимые и немыслимые извинения плюс подарочные сертификаты. Я старалась не представлять себе лицо этой любительницы курятины, когда она узнает, что бешеную официантку выперли с работы.

— Вот блин... — мрачно заметил Нил. Он подошел ко мне и встал рядом, возле посудомоечной машины. — Очень жаль, Тори. Какое свинство, что она тебя уволила.

— Что ж, — мрачно проговорила я, — вообще-то, ничего удивительного.

Я развязала фартук, выловила из выреза блузки подтаявший кубик льда и бросила его в раковину.

— Э-э-э... Тори... У тебя это... лифчик просвечивает.

— Да, такое случается. Слышал когда-нибудь о конкурсе мокрых футболок? — хмуро огрызнулась я. — Это не значит, что можно паяться.

Он поспешил отвести глаза от моего декольте.

— Разве под белыми рубашками не белые лифчики носят?

— Так ты у нас эксперт в мире моды? — Не хотелось признавать, что он прав, и объяснять, что все мое белье, которое годится под белую рубашку, уже в стирке. Я даже не опустила взгляд, чтобы посмотреть, сильно ли виден мой розовый бюстгальтер с черными сердечками. Лучше не знать.

Я выскребла из кармана свои чаевые (жалкие двадцать два доллара — я ведь всего час успела отработать в эту смену) и сунула мокрый фартук Нилу.

— Ну... до встречи, что ли.

— Ага. Заходи, ладно?

— Зайду, — соврала я. Как будто я решусь показаться здесь после того, как избил женщину подносом.

Вяло помахав рукой, я заскочила в комнату персонала за сумочкой и зонтиком, а затем вышла через черный ход, как мне и было велено. Дождь стучал по асфальту, по грязным лужам разбегались круги. Обогнув вонючий мусорный контейнер, я двинулась по узкой аллею к главной улице.

В кафе вошла еще одна пара, и из-за двери донеслась бодрая музыка. Ярко освещенные окна были такими теплыми, манящими, и, когда офи-

ТРИ МАГА И «МАРГАРИТА»

циант подошел к столику и начал расставлять дымящиеся тарелки перед нетерпеливыми клиентами, все снова стало как обычно, словно ничего не произошло.

Холодные капли дождя падали мне на лицо, безобразное бурое пятно на груди расплывалось все шире, но я не стала раскрывать зонтик. Все равно придется сверкать розовым бюстгалтером — так пусть, черт возьми, будет настоящее шоу. Пусть вся рубашка намокнет.

Я резко повернулась и зашагала по тротуару. Идти до дома было далеко, зато это позволяло оттянуть неизбежное... Мне ведь придется сообщить владельцу квартиры, где я жила, что я осталась без работы. Опять.